

Замѣтки о журналахъ.

ФЕВРАЛЬ 1856 ГОДА.

Москвитянинъ.—Письма Гоголя.

«Москвитянинъ», долго медлившій объявленіемъ о томъ, что будетъ продолжаться въ слѣдующемъ году, порадовалъ насъ, извѣстивъ своихъ читателей, что не намѣренъ прекращать своего существованія, бывшаго и остающагося не бесполезнымъ для русской литературы. вмѣстѣ съ объявляемъ о предполагаемомъ продолженіи своего журвала въ наступившемъ году, г. Погодинъ выдалъ 19 и 20 нумера (въ одной книжкѣ) его за прошедшій годъ. Кромѣ «Крымскихъ Писемъ» г. Берга и двухъ сценъ изъ «Мессинской Невѣсты» Шиллера, переведенныхъ г. О. Миллеромъ, замѣтимъ въ этой (октябрьской) книжкѣ «Москвитянина» интересную статью г. Н. Костомарова: «Иванъ Свирговскій, украинскій гетманъ XVI вѣка». Впрочемъ, мы заговорили объ октябрьскомъ двойномъ номерѣ «Москвитянина» не ради этихъ статей, а потому, что г. Погодинъ обогатилъ его истинною драгоценностью для каждаго интересующагося русскою литературою: письмами, полученными имъ отъ Гоголя съ 1832 по 1840 годъ. Изъ корреспонденціи Гоголя, вообще интересной, не было еще обнародовано ничего столь важнаго, какъ эти письма. Они чрезвычайно во многомъ поясняютъ намъ и обстоятельства жизни, и самый характеръ Гоголя, и по справедливости должны быть причислены къ самымъ капитальнымъ матеріаламъ для его биографіи, даже для составленія вѣрнаго взгляда на нѣкоторыя мѣста его сочиненій, до сихъ поръ остающіяся загадочными. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ отрывочныя замѣчанія и мелочвыя изслѣдованія. Скажемъ только два-три слова о впечатлѣніи, которое производятъ эти письма, и поспѣшимъ подѣлиться съ читателемъ любопытнѣйшими отрывками. Мы всегда были того мнѣнія, что Гоголь, казавшійся большинству людей, видѣвшихъ его въ обществѣ, человекомъ сухимъ и т. п., былъ надѣленъ натурою кипучею, пламенною. Только изъ такой натуры могли родиться его творенія. Въ письмахъ, нынѣ напечатанныхъ, все дышетъ движеніемъ, порывомъ, все горитъ огнемъ. Этого убѣжденія довольно, чтобы понять если не всѣ, то почти всѣ странности въ его поступкахъ, поражавшія многихъ до

того, что иные хотѣли привисывать ихъ болѣзни, другіе—какому-то эгоистическому разсчету. Последнее предположеніе, признаемся, всегда возмущало насъ, какъ несообразное ни съ понятіемъ о впечатлительности характера, безъ которой невозможно жизненное направленіе, ни съ высокимъ благородствомъ души, безъ котораго также невозможно было бы создать «Ревизора» и «Мертвыя Души». Кто неспособенъ понимать, что такое страстная натура, тотъ никогда не пойметъ Гоголя. Впрочемъ, для него это и не будетъ горемъ, потому что и творещя Гоголя для такого человѣка—книга съ семью печатами, а имя автора этой книги—пустой звукъ. При страстной натурѣ неизбѣжны увлеченія и ошибки; но и въ самыхъ увлеченіяхъ отчасти она чиста и въ самыхъ ошибкахъ возвышенна и симпатична. Раннею мечтою Гоголя была жажда славы, и жажда, не утолявшаяся не только достиженіемъ посредственнаго успѣха,—нѣтъ, не удовлетворявшаяся никакимъ успѣхомъ. Люди съ мелочнымъ самолюбіемъ не поймутъ этого, но безъ неутолимости, ненасытности жажды нѣтъ истинной жажды славы. Такое славолубіе дается самою натурою; его не сообщать ни похвалы, ни успѣхи, если оно не пожирало душу раньше всякихъ похвалъ и успѣховъ. Гоголь былъ одаренъ этимъ орлинымъ стремленіемъ къ неизмѣримой высотѣ: ему все казалось мало и низко, чего достигалъ онъ или что создавалъ онъ. Кого изъ мелкихъ людей, кого даже изъ очень даровитыхъ юношей не удовлетворилъ бы громадный успѣхъ перваго произведенія, какой имѣли «Вечера на Хуторѣ»? Кто не порадовался бы на свое первое произведеніе, удостоившееся столь громкихъ похвалъ отъ «великаго» Пушкина? Гоголь двадцати-трехлѣтній юноша писалъ въ 1833 году:

«Вы спрашиваете объ Вечерахъ Диканьскихъ. Чортъ съ ними! я не издаю ихъ. И хотя денежные пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня,—но писать для этого, прибавлять связки не могу. Никакъ не имѣю таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ речеровъ, къ вы только напомнили мнѣ объ этомъ. Впрочемъ Смидинъ отпечаталъ полтораста экземпляровъ 1-й части, потому что второй у него не покупали безъ первой. Я и радъ, что не больше. Да обречутся они неизвѣстности, повамѣсть что нибудь увѣсистое, великое, художническое все вздыдетъ нѣв меня.

«Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Малваго не хочется, великое не выдумывается. Пожалуйте обо мнѣ и пожелайте мнѣ!

«Обнимая и цѣлуя васъ, остаюсь вашъ Гоголь».

Февраля 20-го.

«Я не знаю, отъ чего на меня нашла тоска. Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается! Не съ тѣмъ вдохновенно полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю и что нибудь совершу изъ Исторіи, уже вижу собственные недостатки. То жалѣю, что не взялъ шире, огромнѣй объему. То вдругъ жидется совершенно новая система и рушить старую. Напрасно я увѣряю себя, что это только начало, эсмызъ, что ово не нанесетъ пятна мнѣ, что судья у меня одинъ только будетъ я тотъ одинъ другъ. Но не могу, не въ силахъ. Чортъ побери пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другаго сповойнѣшаго времени. Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ: я помѣшался ва комедіи. Она, вогда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и вогда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради; и сколько зло-

ств, снѣху, соли!... Но вдругъ остановился... А что изъ того, когда пьеса не будетъ играть. Драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Каковъ же мастеръ понесетъ на показъ народу не конченное произведение?—Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный... Но что вонедя безъ правды и злости! И такъ за комедію не могу приняться. Примусь за Исторію—передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ; рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, взъ кресель в осваиваютъ зубы, и—Исторія къ чорту.—И вотъ почему я сважу при лѣви мыслей».

Укажите мнѣ человѣка съ такою жаждою совершенства, и я вамъ скажу: онъ или не создастъ ничего, или создаетъ нѣчто великое,—онъ или Тантагъ, или Прометей. Черезъ пять лѣтъ, онъ, уже творецъ «Ревизора», говоритъ:

1838 г. Августъ 20. Неаполь.

«У меня забилось сердце, когда я прочтатъ твою записку, гдѣ ты говоришь, что будущю весною будешь въ Италіи. И такъ мы увидимся. Обнимемся можетъ быть еще разъ. Благодарю тебя за вто. О себѣ ничего не могу (сказать) слишкомъ утѣшительнаго. Увы! здоровье мое плохо! И гордые моя замыслы... О другъ! если бы мнѣ на четыре, пять лѣтъ еще здоровья! И неужели не суждено осуществиться тому... Иного думалъ я совершить... Еще доннѣ голова моя полна, а силы, силы—но Богъ милостивъ. Онъ вѣрно продлитъ дни моя. Сижу надъ трудомъ, о которомъ ты уже эваешь, я писалъ къ тебѣ о немъ, но работа моя вяла, нѣтъ той живости. Недугъ, для котораго я убѣхатъ, и который было казалось облегчился, теперь усилился вновь. Моя геморроидальная болѣзнь вся обратилась на желудокъ. Эта несносная болѣзнь. Она меня сушитъ. Она говоритъ мнѣ о себѣ каждую минуту и мѣшаетъ мнѣ заниматься. Но я веду свою работу, и ова будетъ кончена, во другія, другія... О другъ! какіе существуютъ великіе сюжеты. Пожалѣв о мнѣ!—Но я съ тобою увижусь. Я

въ тебѣ теперь обращу одну очень холодную и прозаическую просьбу. Ты былъ такъ добръ, что предлагалъ мнѣ сдѣлать заемъ, если я нуждаюсь.—Мнѣ не хотѣлось пользоваться твоимъ добротомъ. Теперь я доведенъ до того. Если ты богатъ, пришла вексель на 2.000. Я тебѣ черезъ годъ, много черезъ полтора, ихъ возвращу. Сочиненіе мое велико, у насъ же товаръ продается по величинѣ, и потому я думаю за него получить столько, что въ состояніи буду заплатить этотъ (долгъ) въ концѣ будущаго года. Моя обстоятельства денежныя плохи, я всѣ моя родные терпятъ то же, во чортъ побереи деньги, если бы здоровье только; годъ какъ нибудь смогу, съ помощію твоей... какъ нибудь проплетется.

«Если будешь посылать вексель, пожалуйста вели банкиру своему послать прямо въ римскому банкиру Валентини на него имя, еще лучше кредитивнымъ письмомъ, в писька во мнѣ адресуй тоже банкиру Валентини въ Раяъ».

1838 г. Декабрь 1. Римъ.

«Я получалъ твое письмо, милый мой, писанное тобою отъ Сентября на имя Валентини вмѣстѣ съ севудами векселей».

«Благодарю тебя, добрый ной, вѣрный ной! Много, много благодарю тебя. Далеко, до самой глубины души тронуло меня ваше безпокойство о мнѣ! Сколько любви! сколько заботъ! За что это меня такъ любитъ Богъ? Но грустно вмѣстѣ съ этимъ мнѣ было видѣть, но тяжело, невыносимо тяжело для сердца чувствовать...

«Боже! я не достоинъ такой прекрасной любви. Ничего не едѣлалъ я! Какъ бѣдевь ной талантъ! Зачѣмъ мнѣ не дано здоровье? Громоздилось кое-что въ этой головѣ и душѣ, в неужели нѣтъ не доведется обнаружить в высказать хотя половину его? Призваюсь: я плохо надѣюсь на свое здоровье. Но въ сторону объ этомъ. Мнѣ было очень грустно узнать изъ письма твоего, что ты живешь не безъ неприятностей и огорченій... Литературныя разныя пакости и особливо теперь, когда нѣтъ тѣтъ, на

юнкъ почіеть надежда, въ еостояшіа навести большую грусть, даже можетъ быть от-
авить торжественныя и вдохновенныя минуты души. Ничего не могу сказать тебѣ въ
тѣшеніе. Битву, какъ ты самъ знаешь, нельзя вести тому, кто благородно вооруженъ
одною только шпатою, защитницей чести, противъ тѣхъ, которые вооружены дубинами
и дреколями. Поле должно остаться въ рукахъ буяновъ. Но мы можемъ, какъ первые
христіане въ катакомбахъ и затворахъ, совершать наши творенія».

Удивительно ли, если подобный человѣкъ, всегда считавшій созданное
шъ ничтожнымъ сравнительно съ тѣмъ, что думалъ еще создать въ будущемъ,
назвалъ, въ минуту скорби, всю свою дѣятельность чѣмъ-то ничтожнымъ и
всудачнымъ? Кто не носилъ въ своей груди смертельной тоски совершенства,
готовъ не совершить ничего колоссальнаго, по крайней мѣрѣ на поэтическомъ
поприщѣ. И какою грустною, какою страшною обстановкою окружены у Го-
голя эти высокіе помыслы: изнурительная, не дающая даже мысли покоя и
силы болѣзнь, и нищета... вѣчная нищета, и, быть можетъ, убійственнѣе всего,
вражда отъ тѣхъ, кого любилъ, для избавленія которыхъ отъ пошлости и ни-
юсти страдалъ онъ душою, и необходимость бѣжать отъ этой вражды, и стра-
тная дума на чужбинѣ о милой родинѣ.

Мая 10-го 1836 г. Спб.

«Послѣ разныхъ волненій, досадъ и прочаго, мысли мои такъ разсѣяны,
что я не въ силахъ собрать ихъ въ стройность и порядокъ. Я хотѣлъ было ѣхать
непремѣнно въ Москву и съ тобой наговориться вдоволь. Но не такъ сдѣлалось.
Чувствую, что теперь не доставить мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу цѣлковать
въ такомъ тревожномъ состояніи, въ вавонѣ нахожусь нынѣ. Ёду за границу, тамъ
размываю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель
современный, писатель коническій, писатель нравовъ, долженъ подальше быть отъ
своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно
возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тяжело, грустно,
когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечествен-
никовъ, которыхъ отъ души любишь. Когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣр-
номъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило.
Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилямъ. Выведя на сцену двухъ-
трехъ плутовъ, тысяча честныхъ людей сердятся, говорятъ: мы не плуты. Но Богъ
съ ними. Я не отъ того ёду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этихъ неудоволь-
ствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься в потомъ,
избавши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе. Пора
уже мнѣ творить съ бѣльшимъ размышленіемъ».

Мая 15. Спб.

«Я получилъ письмо твое. Приглашеніе твое убѣдительно. По никакимъ обра-
зомъ не могу. Нужно захватить время пользования на водахъ. Лучше пусть прїѣду къ
вамъ въ Москву обновленный и освѣженный. Прѣхавши, я проживу съ тобою долго,
потому что не имѣю никакихъ должностныхъ узъ, и не намѣренъ жить постоянно въ
Петербургѣ. Я не сержусь ва толки, какъ ты пишешь, не сержусь, что сердятся и
отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя
черты и бравятъ меня. Не сержусь, что бравятъ меня неприятели литературные, про-
дажные таланты, но грустно мнѣ это вообще невѣжество, грустно, когда видишь, что
глубѣйшее мнѣше вми же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ
же самихъ, и ихъ же водить за носъ. Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жал-
комъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько
нибудь равносильной стороны за него. «Онъ зажателъ, онъ бунтовщикъ!» и кто же
это говорить? Это говорить люди опытные, люди, которые должны бы имѣть на

скольконибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными, и которыхъ свѣтъ, по нравней мѣрѣ русскій свѣтъ, называетъ образованными. Выведены за сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи, затѣмъ выводятся на сцену плутовъ. Пусть сердятся плуты, но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, прызывая глубокаго, упорнаго невѣжества. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ, что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ея собственныя нравы. Я огорченъ въ высшимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы: меня заботитъ моя печальная будущность. Проввѣщаніе уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны. Но жизнь Петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея — и какъ тогда заговорить мои соотечественники? И то, что бы приняли люди просвѣдѣнные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ, считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какуюнибудь только живую и вѣрную черту—значитъ въ переводѣ опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ или его подданныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ, в скажи ему, что есть небольшой кругъ понимающій его, глядящій на него другими глазами, утѣшать ли это его? Москва больше расположена ко мнѣ, но отъ чего? Не отъ того ли, что я живу въ отдаленіи отъ ней, что портретъ ея еще не былъ видѣнъ нигдѣ у меня, что наконецъ... но вхожу на этотъ разъ выводить всѣ случаи. Сердце мое въ эту минуту наполнено благодарностью въ ней за ея вниманіе ко мнѣ. Прощай. Буду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, в возвращусь къ тебѣ вѣрно освѣженный и обновленный. Все что ви дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высочайш. Провидѣніемъ на мое воспитаніе. И нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ вѣрно необходимъ для меня. Цѣлую тебя несчетно. Пиши ко мнѣ, еще успѣешь.»

Женева. Сентября 22/10.

«Здравствуй, мой добрый другъ! Какъ живешь? что дѣлаешь? Скучаешь ли, веселишься ли? или работаешь, или лежишь на боку да лѣнишься? Богъ въ помощь тебѣ, если занять дѣлою. Пусть весело горитъ передъ тобою свѣча твоя!... Мнѣ жаль, слишкомъ жаль, что я не видался съ тобою предъ отъѣздомъ. Много я отнял у себя пріятныхъ минутъ... Но на Руся есть такая изрядная коллекція гадкихъ рожей, что не въ терпѣжъ мнѣ пришлось глядѣть на нихъ. Даже теперь плевать хочется, когда объ нихъ вспомню.»

1840 г. Января 25 (въ Москвѣ).

«О, выгони меня ради Бога и всего святаго вонъ въ Римъ, да отдохнетъ душа моя! Скорѣе, скорѣе. Я погибну. Еще можетъ быть возможно для меня освѣженіе! Не можетъ быть, чтобы я совсѣмъ умеръ, чтобы все возвышенное застыло въ груди моей безъ вывоза. Спаси меня и выгони вонъ скорѣе, хотя бы даже я самъ просилъ тебя повременить и обождать.»

Рянъ. Октября 17. 1840.

«Со страхомъ я гляжу самъ на себя. Я ѣхалъ бодрый и свѣжій на трудъ, ва работу. Теперь... Боже! Столько пожертвованій сдѣлано для меня моими друзьями—когда я ихъ выплачу! А я думалъ, что въ этомъ году уже будетъ готова у меня вещь, которая за одвинъ разонъ меня выкупитъ, снимать тяжести, которыя лежать на моей безсовѣстной совѣсти. Что предо мною впереди? Боже! я не боюсь налага срока жизни, но я былъ увѣренъ по тамону свѣжему, доброду началу, что въ два года будетъ дано плодотворной жизни. И теперь отъ меня скрылась эта сладкая увѣренность. Безъ надежды, безъ средствъ возстановить здоровье. Никакихъ

Изъ Петербурга: надѣяться ли мнѣ на мѣсто при Кривцовѣ? По намѣреніямъ ва, о которыхъ я узналъ здѣсь, мнѣ нечего надѣяться, потому что Кривцовъ ва это вѣсто европейской знаменитости по части художествъ. Онъ хотѣлъ гннца Шадова, директора Дюссельдорфской Академіи Художествъ, которому отбылось, а потомъ даже хотѣлъ предложить Овербеку... Но Богъ съ нимъ, со этимъ. Я равнодушенъ теперь въ этому. Къ чему мнѣ это послужитъ. На у, да ва лекарство развѣ? на двѣ вещи, равныя ничтожностью и бесполезностью. ъ нимъ не присоединятся наконецъ третья, вѣчающаяся все, что влечется ва

Часто въ теперешнемъ моемъ положеніи мнѣ приходитъ вопросъ: ачѣмъ я въ Россію? по крайней мѣрѣ меньше лежало бы на моей совѣсти. Но какъ я вспомню о моихъ сестрахъ,—гнѣтъ, мой прѣвдъ не бесполезенъ былъ. Клясдѣлалъ много для моихъ сестеръ. Онѣ поелѣ увидать это. Безумный, я думавши въ Россію: ну хорошо, что я ѣду въ Россію, у меня уже начинается нать маленькая злость, такъ необходимая автору, противъ того-сего всякаго одныхъ плавель, теперь я обновленъ, и все это живѣе представелъ моихъ глывѣсто этого что я вывезу? Все дурное изгладилось въ моей памяти, даже , и мѣсто этого одно только прекрасное в чистое со мною, все, что удалось е болѣе узнать въ друзьяхъ моихъ, в я въ мою болѣзненною состояніи но дѣлаю упрекъ себѣ: зачѣмъ я ѣздилъ въ Россію. Теперь ве могу глядѣть в Коллизей, ни на безсмертный куполъ, ни на воздухъ, ни на все, глядѣть глазами. Глаза мои видятъ другое, мысль моя развлечена. Она съ вами. Боже! жело мнѣ писать эти строки. Я не въ энлагъ болѣе. Прощай. Боже благо-ебя во всѣхъ предпріятіяхъ, и предоставъ наконецъ тебѣ поле широкое, безъ препятствій. Ты рожденъ в опведѣмевъ на большое плаванье. Я было наскоро переписать куски изъ Ревизора, исключенные прежде, и передѣланные, чтобы поскорѣй хотя его издать, в заплатитъ великоду-ванъ. в ты, Сергѣю Тимофеевичу, и этого ве могу сдѣлать. Впрочемъ у всѣ силы и можеть быть ва той же недѣлѣ управлюсь съ втѣмъ. Я не шавилъ вавѣстій изъ Петербурга. Напиши. Правда ли, что будто бы Жуковннтся? Я ве могу никакъ этому вѣрить. Прощай. Цѣлую тебя миліонъ разъ!

Обними Шевырева за меня нѣсколько разъ. Я бы писалъ къ нему, но не въ Къ Сергѣю Твое. я бы тоже хотѣлъ писать... но что мнѣ писать теперь? : силахъ... Мнѣ бы хотѣлось скрыть огъ моихъ друзей мое положеніе. — мое вздери въ куски: я храбрюсь всѣми силами.»

оворятъ иные, будто у Гоголя было эгонстическое, неспособное привня-и сердце: скажите, такое ли убѣжденіе внушаютъ вамъ эти письма? ъ еще письмо послѣ полученія вѣсти о смерти Пушкина:

1837. Мартъ 30. Римъ.

І получилъ письмо твое въ Римѣ. Оно наполнено тѣмъ же, чѣмъ наполнены стѣ наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата мнше. Ты скорбишь какъ русскій, какъ писатель, я... я и сотою доли не разить своей сворбъ. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. тлмя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я тво-видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ была всѣ толки, я пле-преарвнную червь; мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ни-предпривнналъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что есть у меня , всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе. гъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его не писалась безъ збы огъ не являлся въ то время очанъ моихъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему. И это было моею выс-ервою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что

теперь живнъ ноя?... Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли, чтобы повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ? Или ты нарочито сдѣлалъ такое заключеніе послѣ сильнаго тобой приведеннаго примѣра, чтобы сдѣлать еще разительнѣе самый примѣръ. Для чего я приѣду? Не, вдалѣ я развѣ дорогого сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ? Ты пишешь, что всѣ люди даже холодные, были тронуты этою лотерею. А что эти люди готовы были дѣлать ему при жизни? Развѣ я не былъ свидѣтель горькихъ, горькить нинуть, которые приходилось чувствовать Пушкину, не смотря на то, что Самъ Монархъ, (будя за то благословенно имя Его) почтитъ талантъ. О! когда я вспомню нашихъ судій, мещановъ, ученыхъ, умнивовъ... сердце мое содрагается при одной мысли. Должны быть сильныя причины, когда они меня заставляли рѣшаться на то, на что я бы не хотѣлъ рѣшиться. Или, ты думаешь, мнѣ ничего, что мои друзья, что вы, отдѣлены отъ меня горами? Или я не люблю нашей невзвѣрмой, нашей родной Русской земли! Я живу около года въ чужой землѣ, виду прекрасныхъ небеса, мѣръ богатый искусствами и человѣкомъ. Но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ посвятить я чуждому. Непреодолимоу цѣпью приковать я къ своему. И нашъ бѣдный, не яркій мѣръ нашъ, наши вурны извы, обнаженныя пространства, предпочелъ я небесахъ лучшмъ, привѣтливѣе глѣдѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого ногу не любить своей отчины? Но ѣхать, выносить на-мненную гордость... людей, которые будутъ передо мною дуться и даже мнѣ пако-стить—нѣтъ, слуга покорный. Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенски протянуть руку, если дойдетъ до этого дѣло. Но въ своей — никогда! Мои страданія тебѣ не могутъ вполнѣ (быть) понятны: ты въ пристани, ты какъ мудрецъ можешь перепестъ и посмѣяться. Я бездомный, меня бкоухъ и качаютъ волны, и упи-раться мнѣ только въ якорь гордости, которую всаили въ грудь мою выпсія силы. сложить мнѣ голову свою на родинѣ. Если ты имѣешь желаніе ѣхать освѣжиться в возобновить свои силы, увидѣть меня — прѣзжай въ Римъ. Здѣсь мое всегдашее пребывавіе. На Іюнь и Іюль ѣду въ Германію на воды, и, возвратившись, проложу здѣсь осень, зиму и весну. Небо чудное. Пью его воздухъ и забываю весь мѣръ. На-пиши мнѣ что нибудь про ваши московскія гадости. Ты видишь, какъ сильна моя любовь: даже гадости я готовъ слышать изъ родины».

Ужели все это поддѣльныя чувства? Попробуйте поддѣлаться такъ, и мы увидимъ, успѣете ли вы обмануть насъ хотя на одинъ день; но если вы наложите на себя роль на всю жизнь,—неужели это возможно? Нѣтъ, натура ежеминутно будетъ вырываться наружу изъ-подъ личины.

И характеръ, и самая судьба Гоголя представляютъ чрезвычайно много общаго съ характеромъ и судьбою Руссо, этого нищаго, оклеветаннаго, бѣжавшаго отъ родины и нѣжно, тоскливо любящаго родину, подозрительнаго, неизмѣримо и справедливо гордаго, чрезвычайно скрытнаго и не умѣющаго ничего скрыть, пренебрегающаго всѣмъ и всѣми, нуждающагося во всѣхъ, впа-даващаго во многое непростительное и пагубное для другихъ менѣе выеокыхъ по природѣ своей натурѣ и все-таки оставшагося чистымъ въ душѣ, невиннымъ и наивнымъ, и, при всей своей наивности, и хитреца, и глубочайшаго сердцевѣдца, загадочнаго для современниковъ, очень понятнаго для потомства, гениальнаго и благороднаго мизантропа, полнаго нѣжной любви къ людямъ. Оба они, если хотите, были странные люди; но,—говорить Гоголь,—оба они имѣли право быть такими, какими были, потому что были необыкновенными людьми, и по уму, и по душѣ.

1840. Декабря 28. Римъ.

«Утѣшься! Чудно милостивъ и великъ Богъ: я здоровъ. Чувствую даже свѣ-жесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолженіемъ Мертвыхъ Душъ.

Вижу, что предмет становится глубже и глубже. Много совершилось во мнѣ въ не-многое время; но я не въ силахъ теперь писать о томъ, не знаю почему, можетъ быть потону самому, почему не въ силахъ быть въ Москвѣ скватать тебѣ ничего такого, что бы оправдало меня передъ тобою во многомъ. Когда нибудь въ обоюдной встрѣчѣ, можетъ быть ва неня найдеть такое расположеніе, что слова мои потонуть, и я съ чистой откровенностью ребенка повѣдаю состояніе души моей, причинившей многое вольное и невольное. О! ты долженъ знать, что тотъ, кто создаетъ сколько нибудь творить въ глубинѣ души, жить и дышать своиня твореньями, тотъ долженъ быть страненъ во многомъ. Воже! другому человѣку, чтобы оправдать себя, достаточно двухъ словъ, а ему нужны цѣлыя страницы. Какъ это тягостно иногда! Но, довольно. Цѣлую тебя! Письмо твое угѣшительно. Благодарю тебя за него! растроганно, душевно благодарю. Я покоенъ. Свѣжій воздухъ и пріятный хододъ здѣшней зими дѣйствовать на меня животворительно. Я такъ покоенъ, что даже не думаю вовсе о томъ, что у меня ни копѣйки денегъ. Живу кое-какъ въ долгъ. Мнѣ теперь все трень трава.

Мы не боимся наскучить читателю выписками, потому соберемъ еще отрывки, касающіеся такого эпизода въ служебной дѣятельности Гоголя, обыкновенные слухи о которомъ всегда казались намъ странны. Сличивъ отрывы самого Гоголя съ нѣкоторыми мѣстами въ «Авторской Исповѣди», припомнивъ нѣкоторыя общія истины о легкости удовлетворить многимъ требованіямъ, если только захотѣть удовлетворять имъ, о томъ, какъ легко овладѣваютъ апатія и отвращеніе человѣкомъ съ пылкою натурою, когда онъ встрѣчаетъ равнодушніе и т. д., мы будемъ снисходительнѣе судить объ этомъ эпизодѣ въ жизни Гоголя.

«Ты не гляди на моя историческіе отрывки: они молоды, они давно писаны, не гляди также на статью о среднѣхъ вѣкахъ въ Д. журналѣ. Она сказана только такъ, чтобы сказать что нибудь, и только раззадорить нѣсколько въ слушателяхъ потребность узнать то, о чемъ еще нужно разсказать, что оно такое. Я съ каждымъ мѣсяцемъ въ съ каждымъ днемъ вижу новое, и вижу свои ошибки. Не дунай также, чтобы я старался только возбудить чувства и воображеніе. Клянусь! у неня дѣла высшая. Я можетъ быть еще мало опытевъ, я молодъ въ мысляхъ, но я буду когда нибудь старъ. Отчего же я черезъ недѣлю уже вижу свою ошибку! Отчего же передо мною раздвигается природа и человѣкъ! Знаешь ли ты, что значить не встрѣтить сочувствіи; что значить не встрѣтить отзыва! Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ въ здѣшнемъ университетѣ. Никто неня не слушаетъ, ни на одномъ ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. И отъ того я рѣшительно бросаю теперь всякую художническую отдымку, а тѣмъ боже желаю будить сонныхъ слушателей. Я выражаюсь отрывками, и только смотрю въ даль, я вижу его въ той системѣ, въ какой оно явятся у меня вылитой (sic) черезъ годъ. Хоть бы одно студенческое существо понимало меня. Это народъ безцвѣтный... Но въ сторону все это.

«Я рас...лея съ Университетомъ, в я черезъ мѣсяць опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взомель на кафедрѣ и неузнанный сложу съ неа. Но въ эти полтора года, годы моего безславія, потону что общее мнѣніе говорить, что я не за свое дѣло взялся, въ эти полтора года я много вынесъ оттуда, и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня. Миръ вамъ, моя небесныя гости, наводненіе на меня божественныя минуты въ моей тѣной квартирѣ, близкой въ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большей силою, и не посмѣете устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая, а неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и пр. в проч. Я тебѣ одному говорю это, другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ, и больше ничего. Мимо, мимо все это! Теперь вышель я на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ васи-

дѣвшемуся въ кабинетѣ прогулка. Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да вдравствуешь вонедѣлю Одну, наконецъ, рѣшаюсь давать на театрѣ».

Примѣры удивительной мѣткости, проникающей способности взгляда и чрезвычайной вѣрности пониманія людей и житейскихъ дѣлъ разсыяны на каждой страницѣ писемъ. Приведемъ только одно сужденіе, высказанное по поводу намѣренія г. Погодина написать драматическія пьесы изъ эпохъ Бориса Годунова и Петра Великаго:

«Если вы хотите непременно вынудить изъ меня примѣчаніе, то у меня только одно имѣется. Ради Бога прибавьте боярамъ нѣсколько глупой фязіогноміи. Это необходимо такъ даже, чтобы они непременно были смѣшны... Черезъ это небольшой умъ между ними уже будетъ рѣзокъ. Объ немъ вдутъ рѣчи, какъ объ разлученой головѣ. Такъ бываетъ въ государствахъ...

«Какая смѣшная смѣсь во время Петра... одинъ самъ подставлялъ свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что одинъ бранитъ Антихристову новизну, а между тѣмъ самъ хочетъ дѣлать новомодный повлонъ, и бьется изъ свѣтъ сквервать ужимку французовафтанвика»...

Какая проникающая историческаго взгляда!

Искренно благодаримъ г. Погодина за напечатаніе драгоценныхъ писемъ Гоголя и надѣмся увидѣть продолженіе этой чрезвычайно любопытной корреспонденціи въ слѣдующей книжкѣ «Москвитянина».